

Возлюбленный (драма)

Описание

— Ой, нет! Прошу, не берите с этой стороны. У меня пунктик, я не могу есть общее. Мне нужно только мое, а вы и так взяли уже отовсюду, – Лара виновато улыбнулась.

Мать удивленно приподняла брови, но вилку положила. Долгожданное знакомство. Все как положено — мать и отец, но только со стороны жениха, а не невесты. Лара смеялась над его просьбой показаться родителям. Они взрослые, самостоятельные люди, причем тут родители? Но с течением времени он вновь и вновь заговаривал об этом и, наконец, она согласилась.

Сколько же лет они вместе? Вроде четыре или пять? Лара нахмурилась, пытаясь вспомнить, но не смогла. Она взглянула на Митю. Тот сидел бледный и напряженный, в непривычной белой рубашке.

«Какой смешной. Люблю», — мелькнуло у нее в голове. Она улыбнулась и взглянула на отца. Все же интересно, как твой мужчина будет выглядеть в зрелости. Приятный и молодежавый отец Мити, казалось, отсутствовал. Его взгляд легко скользил по предметам и лицам, нигде не задерживался и, временами, проваливался в одну ему известную глубину. На его губах то и дело проскальзывала улыбка и он, как будто, был всем доволен, даже рестораном, в отличие от матери. Та периодически фыркала, ерзала на стуле с недовольным видом, озиралась и стряхивала невидимую грязь с белоснежной скатерти, затем

протяжно вздыхала и возводила глаза к потолку.

Лара считала, что ресторан, который она выбрала, идеально подходил для их встречи. Ей нравилась атмосфера и уют и круглые столы, за которыми, как известно, все равны. Из окна виднелся вечерний Петербург и мимо большого, панорамного окна проходили люди в легких куртках и пиджаках. Стоял июнь, белые ночи набирали силу и вдруг вспыхнувшие фонари прорезали опускающуюся на город белую вуаль.

Митя с трудом сглотнул и мельком взглянул на Лару. Как обычно от нее исходило тепло. Он нашел под столом ее коленку и крепко сжал. Он знал, что она нервничает. Его мать чуть не лишила ее возможности поесть. У Лары проблемы с тем, чтобы есть из одной тарелки. И хоть для него это не имело значения, для матери значение имело все. Он вновь взглянул на Лару, и она ответила ему нежным взглядом. И все же..., все же он любит ее. За эти долгие дни и ночи, проведенные вместе, они так много узнали друг о друге, так близко подошли, так крепко схватились.

— Лара, чем вы занимаетесь? – Мать вновь взяла вилку и стала ковырять в общей салатнице. – Ну, Митюша говорил, конечно, что вы продаете обувь, но я подумала, может еще что-то? – Последние слова прозвучали насмешливо.

— Еще? – усмехнулась в ответ Лара. – Еще я в покер играю.

«Черт!» — подумал Митя. — «Вечно ты со своей честностью! Кому она нужна?» — Он с тревогой посмотрел на мать. После слов Лары ни один мускул не дрогнул на ее лице, но вдруг как-то похолодало. Она всегда это умела – воспроизводить холод. Как супер герой ледяной человек. Иногда Мите казалось, что мать тайком стряхивает иней с пальцев, который точно был, просто не мог не быть.

— Покер? – презрительно скривилась она.

— А что с этим? Какие-то проблемы? – слегка надменно, поинтересовалась Лара.

— Если вы выигрываете, то нет. А вы выигрываете?

- Когда как, — пожала плечами Лара. — Иногда выигрываю, а иногда проигрываю.
- И много ли проигрываете? – глаза матери чуть сузились.
- Выигрываю больше!

Митя вдруг поймал себя на том, что все еще сжимает колено Лары под столом и от сжатия костяшки его пальцев онемели. Он разжал их. Лара взглянула на него и улыбнулась:

- Спасибо, милый, теперь мне гораздо легче, — сказала она.
- Прости, — повинулся Митя.
- И сколько же вы выиграли? Самую большую сумму можете назвать, — не отступала мать.
- Десять тысяч долларов! – с вызовом сказала Лара.
- Хм, не плохо, – вдруг усмехнулся отец.
- Действительно? – спросила мать и обвела всех леденящим взглядом.

Зазвонил смартфон и Митя достал его из кармана. Звонили с работы и Лара знала, что это важно. Она отложила ложку.

- Сейчас вернусь, — сказал Митя и встал.
- К чему это? – недовольно проговорила мать. – Разве ты не выходной? Разве я не имею права побыть пару часов с моим возлюбленным мальчиком? – Она обиженно скривила губы и уставилась на сына.
- Это важно, — вступилась Лара.

Митя нерешительно посмотрел на экран, затем на мать, потом вновь на экран. Смартфон замолчал. Митя с облегчением вздохнул, виновато улыбнулся, убрал смартфон в карман и сел на место. Лара ощутила какую-то неясную тревогу, похожую на навязчивое брнчание. На секунду она закрыла глаза, старясь избавиться от этого шума.

Мать похлопала Митю по руке и перевела взгляд на Лару:

— Ну, а самый значительный проигрыш, — продолжила она, как ни в чем не бывало.

— Мама, — не выдержал Митя, — к чему все это? Мы же просто знакомимся!

— Так я и знакомлюсь, — проговорила мать. — На что ты рассчитывал, когда решил ее привести?

Отец неопределенно хмыкнул и продолжил хлебать суп.

— Мы вообще-то вместе пришли, — пробормотала Лара.

— Ну, мама, — почти умоляюще протянул Митя.

— Так сколько, Лара? — не отступала мать.

— Я пытаюсь вспомнить, Нина Григорьевна, но у меня сейчас такая каша в голове. Я в растерянности. Сейчас.... Дело в том, что у меня есть одно правило....

— И часто у вас каша в голове? — язвительно прервала ее мать. — Это возрастное? Как-то пытались полечить?

— Да я..., — окончательно растерялась Лара и замолчала. Ее выбило из колеи это нелепое, детское замечание, точно они вновь в школе и Лара новичок, которого испытывают на прочность. Такого никак не ожидаешь от пожилой, приличной женщины. Как с ней теперь разговаривать? Ларе стало неприятно и противно и почему-то стыдно. В один момент она потеряла аппетит и всякую надежду на приятное знакомство. Она отодвинула тарелку. Потом она решила не судить так скоро и тряхнула головой, прогоняя неприятные мысли. Ее тяжелые рыжие волосы колыхнулись, точно поле спелой пшеницы. От нее повеяло летом, и это почувствовали все, даже ледяной человек.

Митя подумал: «Я люблю ее»

Лара спокойно сказала:

— У меня есть коробка, куда я складываю выигрыш или последнюю банкноту в день явного невезения. Поэтому я не могу точно сказать, сколько проиграно мной. Когда в кармане остается последняя бумажка, я ухожу. Прихожу домой и эту последнюю бумажку кладу в коробку. Таким образом, сколько бы я не проиграла в своей жизни,

в этой коробке всегда есть деньги на черный день. И пока ни один день не был настолько черным, чтобы залезть в нее.

Нина Григорьевна потеряла интерес говорить с Ларой. Ей стало все понятно. Эта наглая рыжая женщина, которая явно старше и решительнее ее сына, не пыталась заискивать перед ней и не боялась отстаивать себя. А значит она из тех, кто не имеет манер и не умеет быть деликатным. Из тех, кто врывается в привычный уклад целой семьи и все, буквально все, пытается перевернуть. Мать тяжело вздохнула и вновь взглянула на жуткий потолок с дешевой лепниной. «Опять придется доставать сына из беды», — со скорбью подумала она. Ее бедный мальчик совсем не разбирается в женщинах. Ведь эта Лариса явно имеет свою позицию в жизни, что, в общем-то, не плохо. Но плохо, что она не любит Митюшу, лишь снисходительно смотрит на него и позволяет любить себя. А она мать! И уже слишком стара, чтобы ходить вокруг да около.

— Какая разница между вами, Митюша? — строго спросила она.

— В смысле мама?

— В прямом смысле! Сколько лет между вами?

— Я не думал об этом, мама — он посмотрел на мать так, чтобы ей стало понятно, что эта тема не обсуждается.

— А ты подумай, Митюша! — настойчиво предложила она и взглянула на Лару. — Сколько вам лет, деточка? — Это неуместное словечко она не зря вплела в предложение.

— Мне сорок четыре года, — с видимым равнодушием ответила Лара.

— Значит девять, — кивнул ледяной человек. — Девять лет разницы и ты не думал об этом, сынок?

— Мам оставь.

— Как ты себе представляешь, что я это оставлю? Ты приводишь на встречу женщину, на девять лет старше себя. Женщину, которая уже не родит. Женщину, проигрывающую все до последней банкноты в карты. И ей все равно, что подумают твои родители. Посмотри на нее — она усмехается! Она не любит тебя, сынок, а

использует в качестве запасного кошелька. Я права, милочка? – Последняя фраза была обращена к Ларе, и Митя вдруг тоже вопросительно посмотрел на нее.

Лара сидела, откинувшись на спинку стула, и смотрела в окно. Казалось, она глубоко задумалась над последним вопросом. Но на деле Лару поглотило новое, до этого не испытанное чувство. Она вдруг почувствовала себя нарушителем чужой гармонии, точно влезла со своими аккордами невпопад, словно схватила того, кого уже держали за руку. Как странно, что она не замечала этого раньше. А теперь все стало бессмысленно. Ее усилия не имеют никакого значения. Там где двое борются за одного, лишь этот один делает выбор. Она медленно повернулась к матери и произнесла:

— Скорей всего мое мнение не имеет принципиального значения, так как ваше, сформировавшись, становится единственно верным и возможным.

Митя ненавидел, когда она переходила на этот сухой язык так хорошо знакомый ему с детства. Но если мать говорила на нем часто и с особым удовольствием, то Лара переходила на него только в случаях собственной защиты. Что-то вроде покер фэйс, за которым скрываются истинные чувства.

— Все верно, милочка, – мать тоже откинулась на стуле, демонстрируя, что она хорошо осознает степень их конфронтации и сдавать позиции не собирается.

«Это тупо!» — захотелось воскликнуть Ларе. – «Он мужчина, а не мальчик! Мы любим друг друга! Он мой!» — Но ледяной человек смотрел на нее без тени сомнений или неуверенности. За таким взглядом могла стоять только насмешка и Лара сказала:

— Вероятно нам пора, – и отодвинулась от стола. Ножки стула проехали по полу, издав громкий, неприятный звук.

— Тебе пора, а мы с сыном еще побудем. – Мать повелительно накрыла руку сына своей рукой, и тот беспомощно посмотрел на мать, затем на Лару и снова на мать. Его пальцы чуть дрогнули и застыли.

Это был удар ниже пояса, и Лара в тот же момент поняла, что потеряла Митю. Она почти услышала, как что-то разорвалось, не оставив и шанса на продолжение.

«Пожалуйста, любимый», — подумала Лара, буравя взглядом опущенную голову Мити.

— Всего доброго, — холодно улыбнулась мать и в воображении Лары заревели фанфары, приветствуя истинного победителя. Лара от них оглохла, одновременно ощущая, что у нее нет сил, подняться. И все же она встала, точно так же, как вставала с последней банкнотой из-за карточного стола. Отец кивнул, не поднимая головы, и отодвинул опустевшую тарелку.

— Митя, ты идешь? — предельно спокойно спросила Лара.

— Да, я сейчас тебя догоню, — ответил он и кивнул точно так же как отец. — Ты иди пока, возьми в гардеробе свой плащ. Я сейчас.

Левая нога затекла и Ларе потребовались все силы, чтобы не захромать, а выйти с достоинством молодой женщины. Ей почему-то казалось, что хромота выдаст ее чувства, покажет всем, что Лару лишили самого дорогого. Да, Митя не был идеальным, но он не бил, не бил, любил и принимал ее всегда. И она принимала его. Вместе они так близко подошли, так крепко схватились. Но она потеряла, а точнее его отняли. И, Бог свидетель, она понимала, почему мать это сделала. Лара и сама не считала себя лучшей партией, но ей никак не верилось, что Митя согласится с этим. Она простояла двадцать семь минут в ожидании Мити, дольше, чем позволяла гордость, и вышла на улицу.

Было тепло и влажно. В нисходящей белизне Петербургской ночи все выглядело каким-то странным и не настоящим. Она двинулась вперед не чувствуя, не ощущая, точно все, что жило в ней, осталось там, рядом с ним. Проходя мимо витрины ресторана, она увидела их в середине зала. Равнодушный отец, глядящий сквозь все. Волевая мать, которая крепко держала руку Мити на столе. И сам Митя, с опущенной головой, но совсем не порывающийся уйти. Лара не верила в происходящее. Неужели? Как? Вот так просто? И как ей могло казаться, что они близко подошли и крепко схватились? Нет. Истинная близость осталась там, в ресторане, а здесь только она, только Лара. Почему то вспомнилось, как еще утром

она смеялась над его просьбой познакомиться с родителями. Ларе стало плохо и ее зажатые эмоции постучались тошнотой в горло. Она схватила себя за шею и быстрым шагом пошла прочь из этого времени, места, от этих людей. Все было кончено, пусть и закончить это невозможно.

Он появился в августе. Лара переехала за город, и теперь ей приходилось ездить на электричке. Однажды вечером она увидела его стоящим на перроне в ожидании. В нерешительности она спряталась за колонну. Митя переминался с ноги на ногу, сжимая букет чего-то розового, и искал ее взглядом среди толпы спешащих людей. Стояла жара, а он оделся не по сезону; щегольской пиджак, застегнутый на все пуговицы, плотные брюки со стрелками, белая рубаша, галстук и блестящие туфли. Он был смешной и милый, как раз такой, как ей нравилось, и она улыбнулась. Но память и расчет напомнили ей о слабости Мити и о том, как много теперь зависит от ее решений. Она вошла в толпу и двинулась к электричке. Лара прошла в нескольких сантиметрах так и не замеченная им. Следующие несколько дней он все так же сторожил ее, а она проскальзывала мимо. И с каждым разом Митя становился все более потерянным и нервным и, в конце концов, она сжалась над ним, разрешила себя увидеть.

Она дождалась, когда схлынет толпа и сама направилась к нему, как положено, с удивленно приподнятыми бровями. У него в руках желтел букет хризантем и на их фоне он выглядел особенно осунувшимся и бледным. Она остановилась напротив, он посмотрел на нее. Неуверенная улыбка скользнула по его губам и растворилась. Лара ждала. Митя молчал. Она понимала, что ему стыдно, что ему плохо, но он должен сказать все это. А пока он не скажет, не скажет и она. Пока он не скажет, что любит, что мать ничего не решает, она не сможет признаться, что будет ребенок. Ей нужна его готовность, все его внутреннее пространство. Если она просто скажет, это перестанет быть радостью, чудом, счастьем. Это станет обязанностью, грузом ответственности. А Ларе хотелось счастья. Ей нравилась легкость и перспективы. Ей хотелось, чтобы он сам принял решение быть не сыном, но мужем и отцом.

Митя смотрел и не узнавал ее. Что-то изменилось в ней. Вроде и Лара, но совсем другая. И почему молчит? Чего-то ждет, требует глазами. Неужели не понимает,

что раз он пришел, значит, он с ней, как раньше?! К чему слова и это моральное давление? Она должна его обнять, назвать возлюбленным. Неужели надо извиняться и проходить через весь этот бред? А если ей все же это надо? Может и не она это вовсе? Может права мама, что Лара не любит его? Но ему нужно чтобы любила, только так он может не беспокоиться. Митя молчал, утопая в водовороте невысказанных вопросов. Он смотрел на Лару в ожидании привычного тепла и молчаливого прощения. Он ждал, что она тряхнет своими волосами и в теплоте спелой пшеницы весь холод забудется, как летом забывается зима.

Постепенно ожидание превратилось в затянутую сцену и как-то глупо стало стоять напротив. Начали собираться люди в ожидании следующей электрички. Лара разозлилась. Ей захотелось ударить Митю, наговорить всяких гадостей, но он выглядел жалким. Она поняла – он пойдет туда, куда поведет его сильная рука, как у мамы. Но Лара не знала, сильная ли у нее рука. Она знала, что у нее будет ребенок, а чужой ребенок ей был не нужен. От бессилья Мити и безысходности ситуации захотелось плакать.

«Ну вот, сейчас тушь потечет», — подумала она и поспешно отошла от него. Она встала в самом начале перрона и следующие полчаса они все еще видели друг друга.

Митя стоял растерянный и бледный. Он давно опустил руку с букетом хризантем, и они висели яркими, вялыми лепестками, похожие на лоскуты. С молчаливой мольбой он не сводил взгляд с Лары, не веря, не допуская, что она вот так уедет, после того, как он пришел. Он вновь и вновь ласкал ее стан взглядом, гладил золото ее волос, и каждый раз в ужасе замирал, видя ее решительное лицо, встречаясь с требовательным взглядом. Он даже хотел вновь подойти, встать рядом. Но он не был уверен, что это будет важно для этой, новой Лары.

Уже в тамбуре уходящей электрички она увидела, как он выбросил ее букет в мусорное ведро. Затем развязал галстук и, положив руки в карманы, пошел прочь, чтобы никогда не вернуться и никогда не узнать. И Лара все же заплакала, и тушь потекла черно-серыми ручейками по ее щекам. А она стояла и гладила свой живот и все ее чувства, так долго привязанные к Мите, теряли с ним связь, разворачивались подобно рекам, чтобы вернуться в источник, согреться под ее пальцами и убаюкать

ее возлюбленного.

Категория

1. Рассказы

Дата Создания

12.10.2024

Автор

u239073